

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

МОИ ДРУЗЬЯ — КУКЛЫ

У ИТАЛЬЯНСКОГО художника Джотто, жившего на грани средневековья и эпохи Возрождения, есть цикл картин из жизни Франциска Ассизского. На одной из них Франциск беседует с птицами. Высокий гуманизм, доброта ко всему живому на земле — вот чем подкупает эта картина. Перед нами — мир, созданный для добра...

Кажется, что на толстых фоллиантах осела пыль многих веков; кажется, что сейчас может произойти все на свете или перед нами возникнут неведомые страны, подземные царства, удивительные звери и птицы. Здесь может случиться все. Потому что таинственный и мудрый! чародей с говорящим попугаем на руке раскрывает волшебную книгу, в которой начертана судьба Буратино. И сам озорник Буратино, став на миг «умненьким» — благоразумненьким, ждет. И никто еще не знает, что будет дальше. Сидящие в зале дети смотрят на них затаив дыхание.

Я знаю: чародей — это человек, актер Московского областного театра кукол Владимир Баранов, попугай и Буратино — куклы, которых водят актеры, скрытые за станком. Знаю, как трудно дается легкость и естественность, с которой актер передвигается по сцене, перелезая ногами по тростевым куклам, вовремя уступая им «дорогу», не забывая о попугае, который сидит на его руке.

Дети не задумываются над этим. Перед ними свершается чудо: вот три живых и равных существа из необычайного мира. Я вспоминаю картину Джотто, где Франциска — очень земно-

го, доброго человека, умеющего говорить с птицами, и тоже проникаюсь настроением зала...

Какой путь должен пройти человек, актер, какие законы своего мастерства постичь, чтобы уметь вот так заставить поверить в реальность невероятного?

— Когда я пришел в 1963 году в театр из самодеятельности, — вспоминает Владимир, — вначале была только радость от новой работы, от встречи с профессиональным коллективом. Хотелось сыграть как можно больше ролей.

А потом была армия. Рядовой Баранов стал артистом Ансамбля песни и пляски Краснознаменного Дальневосточного военного округа.

Проходит три года, и Баранов вновь возвращается к знакомой работе, чуть повзрослевший, уверенный в себе. И вдруг его подстерегает неудача. Случается странное:

— Я почувствовал, что куклы перестали слушаться меня. Они стали ужасно упрямыми. Я сердился на них, а они, казалось, сердились на меня. Со стороны вроде бы все выглядело нормально, никто из товарищей ничего не замечал, репетиции внешне проходили гладко. А радости от работы, от встречи с новыми ролями, со зрителями не было. Так тянулось почти год. В конце концов сколько же это могло продолжаться?..

И Владимир даже решает оставить театр. Но после мучительных поисков он находит наконец причину своих неудач. В чем они заключались? Да в том, что он слишком «взросло» стал воспринимать мир, слишком про-

заично смотреть на вещи: человек, мол, живое существо, а кукла — просто кукла. Да нет же! Посмотрите в зал на детей. Куклы для них — это самые что ни на есть живые существа.

Дети сидят в зрительном зале и ждут необычного, и верят, что оно свершится.

И актер должен так же все это воспринимать, он должен прислушиваться к кукле, уважать ее.

Так зрительный зал помог Владимиру преодолеть что-то очень важное в самом себе.

Когда режиссер Владимир Николаевич Лопухин возобновил спектакль «Приключение в театре папы Карло», Баранову решено было поручить сразу пять ролей: папы Карло, разбойника, чародея, трактирщика и парикмахера. Суть спектакля вот в чем: когда куклы получили свой театр, оказалось, что они в общем-то плохие друзья и плохие актеры. Буратино — хвастунишка, Пьеро — трус, Мальвина — себлюбка. И папа Карло устраивает им испытания, в результате которых они исправляются.

И актер Баранов предстает перед ними то в образе разбойника, то — чародея, то — трактирщика. Для актера это очень нелегкая задача. Такие разные роли, такая быстрота перевоплощения. Кроме того — чисто технические трудности. Как успеть быстро переодеться? Все нужно делать в стремительнейшем темпе. Впрочем, быстрый темп иногда даже помогает найти выигрышную сцену. Например, когда разбойник превращается в трактирщика и, не успев надеть

башмаки, выбегает на сцену, в одних чулках.

— Караул, ограбили!

Кажется, все хорошо продумано, отрепетировано. Но Владимир недоволен. Что-то не так. И он опять ищет причину. Пожалуй, неверно, рассуждает он, играть и разбойника, и чародея, чтобы дети не догадались, что это — переодетый папа Карло.

Увидев настоящего разбойника, зрители обязательно будут на стороне хвастунишки Буратино. Тогда урок не пойдет ему впрок. Значит, играть надо так, чтобы дети знали — за разбойником скрывается хороший человек, папа Карло. И тогда зрители непременно будут помогать ему воспитывать непослушных кукол.

В НОВОМ спектакле Владимир Баранов поразил

всех: он играл весело, озорно, мастерски...

Актер — это человек со многими лицами. Он может играть кого угодно: злодеев, волшебников, королей, простаков, людей храбрых и трусливых, благородных и коварных. Но чтобы все они ожили, чтобы зритель поверил превращению, сам актер должен быть человеком добрым, понимающим других. Его искусство, душа должны быть наполнены любовью к окружающему миру. И я начала рассказ о кукольном искусстве Джотто, потому что облик моего героя был сродни одухотворенным образам художника-гуманиста.

С. МАМЛЕВА.

Фото С. Прохорова.